

ON THE CHRONOLOGY OF THE ATHENIAN CAMPAIGN IN EGYPT

by A. Ye. Parshikov

In recording the events of the Pentecontaetia Thucydides did not observe strict chronological order. The dating of the Athenian campaign in Egypt in 460-454 B. C. cannot be accepted as correct. Analysis of the testimony of Diodorus, Plutarch, Thucydides himself and other sources shows the true date to be 462-456 B. C.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С ПЛЕМЕНАМИ ПРИДНЕПРОВЬЯ И ПОБУЖЬЯ В IV—II вв. до н. э.

Одной из важнейших особенностей исторического развития периферийных областей античного мира являются тесные экономические связи греческих городов с окружавшими их племенами. Проникновение эгейских и малоазийских изделий на изучаемую территорию имело место еще в древнейшую эпоху. В VII—VI вв. до н. э. Днепровско-Бугское побережье становится районом

Рис. 1. Фрагмент родосско-ионийского кувшина с изображением грифа

наиболее ранней и активной греческой колонизации в Северном Причерноморье (Березань, Ольвийский эмпорий). С этого времени между греками-переселенцами и приднепровско-побужским населением устанавливается постоянный торговый обмен, о чем свидетельствуют довольно многочисленные находки ионийско-родосской керамики, коллекция которой пополнилась в последнее время прекрасными образцами подобной посуды (рис. 1). В период возникновения и становления эллинских городов (VI—V вв. до н. э.) экономические связи между греками и населением, обитавшим в бассейне Днепра и Южного Буга — основной территории расселения скифских племен, получили дальнейшее развитие. В силу разного уровня социально-экономического и культурного развития этих племен их участие в торговом обмене с греками было неодинаковым. Малозаселенность и экономическая отсталость районов степного Приднепровья и Побужья отрицательно сказались на торговых

возможностях их обитателей. Ведущая роль в этом принадлежала племенам Днепровско-Бугского лимана, но особенно племенам Среднего Приднепровья. В обмен на сельскохозяйственные продукты и продукты животноводства они приобретали у греков вино (Хиос, Атика, Фасос и др. центры), глиняную посуду (Иония, Атика, Ольвия), металлические изделия средиземноморских и северопаинтийских мастерских, бусы. Особенно активное экономическое общение с греческими рабовладельцами поддерживали оседлые земледельческие племена скифов-пахарей Геродота (IV, 17). По-видимому, они больше других производили продуктов на продажу (*ἐπὶ πρῆστυς*), что находит полное отражение в сравнительном обилии и богатстве греческих изделий, обнаружен-

Взаимная потребность сбыть товары друг другу со временем усиливалась, а постоянное повторение обмена сделало его регулярным, общественным процессом², явившимся одним из необходимых условий экономического развития как греческого, так и варварского общества. IV—II вв. до н. э. были качественно новым этапом в торговых взаимоотношениях греков с населением Приднепровья и Побужья. Он осуществлялся в процессе дальнейшего социально-экономического и культурного роста народов Северного Причерноморья, ознаменовавшегося подъемом городских хозяйств и возникновением государственности у скифов. В этот период появляется большое количество поселений, расположенных непосредственно в окружении городов или на старых торговых путях, издавна связывавших греков с местным населением. Побережье Днепровско-Бугского лимана в это время покрывается густой сетью небольших сельскохозяйственных поселений, тяготеющих к Ольвии. В низовьях Днепра существовало, по-видимому, довольно значительное в торговом отношении поселение, расположенное на побережье Белозерского лимана близ Херсона. В это же время покрывается густой сетью поселений территория, расположенная по берегам нижнего течения Днепра. Наиболее значительными среди них были Каменское, Знаменское, Гавриловское и другие. В лесостепном Приднепровье продолжают существовать старые крупные поселения, такие, как Пастерское, Большое Скифское близ Канева, Грищенское и другие на Правобережье, Басовское и Бельское — на Левобережье. Наряду с ними возникает ряд новых поселений.

Сообщения древних авторов об экономических связях Восточной Европы в античное время весьма фрагментарны. Поэтому основной источник для изучения этого вопроса — археологические данные, представленные разнообразными предметами торговли. Главные из них, как и для более раннего периода, следующие: амфоры — тара, в которой ввозилось главным образом вино; глиняная посуда; различные предметы быта из металла; бусы и прочие ремесленные изделия³. Они свидетельствуют о значительно возросших масштабах торговли в IV—II вв. до н. э. и продвижении греческих товаров далеко на север, в Верхнее Приднепровье, чего не наблюдалось раньше (рис. 2). Основные районы концентрации греческих товаров в лесостепном Приднепровье — Каневский и особенно Тясминский с примыкавшей к нему территорией верхнего течения р. Синюхи. В Нижнем Приднепровье, поглощавшем большую часть греческого экспорта, выделяется район Никополя, а также прилегающая к нему территория обо-
 боченных берегов Днепра и несколько восточнее от нее. В Побужье греческие изделия встречаются значительно реже, за исключением побережья Днепровско-Бугского лимана, т. е. непосредственного окружения Ольвии.

Первые две категории античного импорта в Приднпровье и Побужье, представленные широко распространенными в городах типами керамической тары и глиняной посуды, в основном отражают общую для всего Северного Причерноморья картину потребления средиземноморских товаров в это время. Главными центрами производства вина были: Хиос, Фасос, Синопа, Боспор, Херсонес, особенно Гераклея и Кос. К ним также относятся центры, выпускавшие вино в амфорах «типа Солоха I» (острова Эгейского моря) и «типа Солоха II» (Византий?). Встречаются амфоры Родоса, Пароса и Книды. Периодом наиболее оживленной торговли продуктами в фасосских амфорах были IV—III века, в гераклеяских — середина IV — первая половина III в., в синопских — вторая половина IV и весь III век, в херсонесских — вторая половина III в.

¹ Подробную характеристику экономических связей античных городов с племенами Приднепровья и Побужья в период основания эмпориев и городов см. Н. А. О на й к о, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII — V вв. до н. э., М., 1966, САИ, Д4—27.

² К. Маркс, Капитал, т. 1. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 98.

3 Огромная коллекция этих вещей, хранящихся главным образом в музеях Киева, Харькова, Ленинграда и Москвы, подробно описана в нашей работе «Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV — II вв. до н. э.».

Это наблюдение базируется в основном на данных керамической тары Нижнего Приднепровья. Интенсивный ввоз синопского вина на эту территорию как будто совпадает со временем расцвета синопско-ольвийской торговли, однако не прекращается окончательно в III веке, вопреки мнению, высказанному в литературе⁴. Глиняная посуда (художественная и простая) представлена изделиями главным образом аттических, а также малоазийских мастерских. Доминируют в ней сосуды аттического массового производства: лекифы, канфары, килики и пр. В сравнительно меньшем количестве вывозилась ольвийская простая посуда, больше всего находя спрос у жителей приольвийских поселений.

Третья категория импорта — металлы — состоит главным образом из изделий средиземноморского и особенно боспорского производства. К первым относятся: бронзовые доспехи (шлемы, поножи), бронзовая и серебряная посуда и ювелирные изделия; ко вторым — золотые обивки горитов и ножен мечей, посуда из золота, электра и серебра, большое количество золотых украшений различного назначения (для конской упряжки, женского и мужского костюмов, погребальных покровов и пр.). Точки зрения о боспорском происхождении последних придерживаются в настоящее время почти все советские и зарубежные ученые⁵. Существенный вклад в этом направлении был сделан в свое время М. И. Ростовцевым⁶, В. Д. Блаватским⁷, Б. Н. Граковым⁸, В. Ф. Гайдукевичем⁹, П. Н. Шульцем¹⁰ и другими. Опираясь на ранее высказанные мнения, а также усиленно дополняя их, кратко суммируем основные, но далеко еще не исчерпанные данные в пользу этой точки зрения¹¹.

О боспорском происхождении вещей, происходящих главным образом из степных курганов IV в. до н. э., свидетельствует прежде всего стилистическая и сюжетная их связь с монетной чеканкой этого государства. Подмеченное еще М. И. Ростовцевым сходство изображений некоторых типов бородатых и безбородых сатиров, а также изображения львиноголового грифа, идущего по колосу, в пантикапейских монетах и в приднепровских бляшках¹² подтверждается новыми находками из Мелитопольского кургана¹³. Они познакомили нас еще с одним вариантом изображения сатира, подра-

⁴ И. Б. Брашинский. Экономические связи Синоп в IV — II вв. до н. э. «Античный город», М., 1963, стр. 142.

⁵ Библиографию по этому вопросу см. в статьях: Н. Н. Погребова, К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов (По поводу статей А. П. Манцевич), СА, XVII, 1953, стр. 285; Jerzy Kurowski, O pochodzeniu arcydzieł torowityki północnopontyjskiej. Kwartalnik historii kultury materialnej, Warszawa, 1967, стр. 714.

⁶ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 443.

⁷ В. Д. Блаватский, Искусство Северного Причерноморья античной эпохи, М., 1947, стр. 66; он же, Античная археология Северного Причерноморья, М., 1961, стр. 46; он же, Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э. — III в. н. э.), СА, 1964, № 4, стр. 28; он же, Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора, М., 1964, стр. 67.

⁸ Б. Н. Граков, Скифы, Київ, 1947, стр. 82; он же, Скифский Геракл, КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 7.

⁹ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1948, стр. 120.

¹⁰ П. Н. Шульц, Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака, КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 54; он же, Мавзолей Неаполя Скифского, М., 1953, стр. 32.

¹¹ В литературе высказано мнение о фракийском происхождении рассматриваемого круга вещей. Оно отражено в ряде статей А. П. Манцевич: Шейные уборы скифского периода, КСИИМК, вып. XXII, 1948; К вопросу о торевтике в скифскую эпоху, ВДИ, 1949, № 2, стр. 196; Гребень и фиала из кургана Солоха, СА, XIII, 1950, стр. 217; Ритон Талаевского кургана. История и археология древнего Крыма, Киев, 1957, стр. 155; Горит из кургана Солоха, «Труды Государственного Эрмитажа», т. 3, 1962, стр. 107; О пластине из кургана Карагодеуаш (к толкованию сюжета), «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», 1964, № 6, стр. 128; Деревянные сосуды скифской эпохи, там же, 1966, № 8, стр. 23.

¹² Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 444.

¹³ А. И. Тереножкин, Скифский курган в г. Мелитополе, КСИА, вып. 5, 1955, Киев, стр. 25, рис. 2; Е. Ф. Покровская, Мелитопольский скифский курган, ВДИ, 1955, № 2, стр. 192, рис. 5.

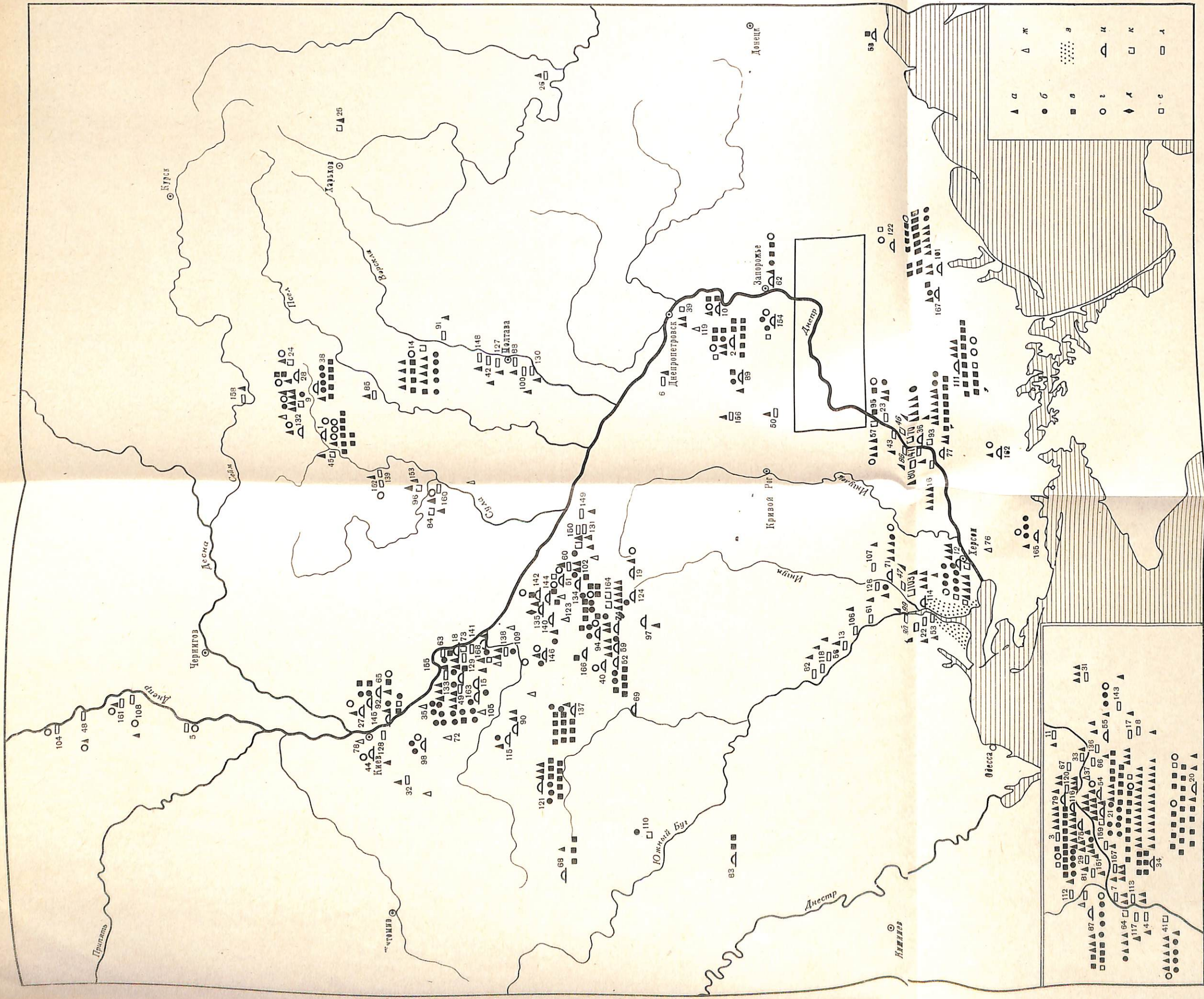

Рис. 2. Распространение изделий античного импорта в Приднепровье и Побужье в IV — II вв. до н. э.

а — амфоры, б — глиняная посуда, в — металл, г — бусы, д — стекло, е — прочие изделия, ж — случайная находка, з — поселения Днепро-Бугского лимана, и — курган, к — городище, л — поселение.

1 — Аксютинцы, 2 — Александрополь, 3 — Алексеевка, 4 — Анатолиевка, 5 — Асаревицы, 6 — Аулы, 7 — Бабино, 8 — Балки, 9 — Басовка, 10 — Башмачка, 11 — Беленькое, 12 — Белозерка, 13 — Белоусовка, 14 — Бельск, 15 — Берестячи, 16 — Бериславль, 17 — Благоселенка, 18 — Бобринца, 19 — Богдановка, 20 — Большая Белозерка, 21 — Большая Лепетиха, 22 — Большая Днепро-Бугская, 23 — Большая Кореняха, 24 — Большая Будки, 25 — Будки, 26 — Быстрище, 27 — Варваровка, 28 — Бондарица, 29 — Борисполь, 30 — Великое Горышце, 31 — Васильевка, 32 — Великие Дмитровицы, 33 — Верхнеарасовка, 34 — Верхний Рогачик, 35 — Витачев, 36 — Владимировка, 37 — Водяное, 38 — Волковцы, 39 — Волосское, 40 — Висельков, 41 — Гавриловка, 42 — Гавриловка, 43 — Ганевка, 44 — Гатное, 45 — Глинск, 46 — Горностаявка, 47 — Гороховка, 48 — Горошки, 49 — Гришеницы, 50 — Грушевка, 51 — Гуляй-город, 52 — Даревка, 53 — Дидова хата (Маяки), 54 — Днепро-Бугская, 55 — Днепрорудный, 56 — Дорошевская, 57 — Дудоржы, 58 — Яданов, 59 — Журовка, 60 — Завадовка, 61 — Завеский, 62 — Запорожье, 63 — Зарубинцы, 64 — Золотая Балка, 65 — Ивановка, 66 — Ивановка, 67 — Ильинка, 68 — Ильинцы, 69 — Иржево, 70 — Каиры, 71 — Калиновка, 72 — быв. Киевская губ., 73 — Канев, 74 — Капитуловка, 75 — Капитуловка, 76 — Карашинка, 77 — Каховка, 78 — Киев, 79 — Кирово, 80 — Красный Маяк, 81 — Красный хутор, 82 — Кременчук, 83 — Кришки, 84 — Клепачи, 85 — Кнышевка, 86 — Консуловка, 87 — Кут, 88 — Кучмовка, 89 — Лопкаревка, 90 — Лисовичи, 91 — Лихачевка, 92 — Любарцы, 93 — Любимовка, 94 — Макеевка, 95 — Малая Лепетиха, 96 — Малий Вязинок, 97 — Мартопола, 98 — Марьяновка, 99 — Матеевка, 100 — Мауки, 101 — Мелитополь, 102 — Мельники, 103 — Мешково, 104 — Милоград, 105 — Митроновка, 106 — Михайловка, 107 — Михайлово-Ларно, 108 — Мохов, 109 — Мошны, 110 — Немирив, 111 — Нижние Серогозы, 112 — Нижнее и Верхнее Покровское, 113 — Нижний Рогачик, 114 — Николаев, 115 — Николаевка, 116 — Никополь, 117 — Новоалександровка, 118 — Новогригорьевка, 119 — Новониколаевка, 120 — Новопаоловка, 121 — Новосели, 122 — Новофилиповка, 123 — Онуфриевка, 124 — Овотинка, 125 — Пастерское, 126 — Пересадовка, 127 — Петровка, 128 — Широков, 129 — Пипальники, 130 — Пожарная Балка, 131 — Поляковка, 132 — Поляков, 133 — Поганы, 134 — Прусы, 135 — Ревки, 136 — Роза Люксембург, 137 — Рыжанаевка, 138 — Сахневка, 139 — Свиридовка, 140 — Секирное, 141 — Селище, 142 — Сенковка, 143 — Скельки, 144 — Смела, 145 — Старое, 146 — Старицкое, 147 — Старошведское, 148 — Стаси, 149 — Стецовки, 150 — Субботов, 151 — Сулицкое, 152 — Сурмачевка, 153 — Тишково, 154 — Томаковка, 155 — Трахтемиров, 156 — Усть-Каменка, 157 — Ушкалка, 158 — Харивка, 159 — Харчевик, 160 — Хитцов, 161 — Чаплин, 162 — Чаплинка, 163 — Шандра, 164 — Шарповское, 165 — Широко, 166 — Шпола, 167 — Шудловка, 168 — Яблоница.

жающего монетному типу¹⁴. Это позволяет говорить об общности идейно-художественных принципов, обусловленной общностью исторически сложившегося и породившего их источника.

Важно также отметить, что многие изделия торевтики повторяют характерные для причерноморских варваров формы различных предметов быта (горитов и ножен мечей-акинаков, круглодонных сосудов, головного убора, гребней, пластинчатых браслетов, спиралевидных колец), а их украшения наряду с чисто греческими элементами декора содержат мотивы, выработанные под влиянием северочерноморской традиции. К последним относятся изображения различных культов, образов варваров, а также мифологических и эпических преданий, связанных с ними. Они выполняли роль апотропеев-оберегов от злых духов, прославляли верховное божество, а вместе с ним божественное происхождение и силу власти царя, военачальника и других представителей варварских племен, занимавших в этом обществе высокое положение. Наиболее важны изображения культовых сцен — приобщение царя-жреца к власти или Великой богини, а также приобщение воинов царем и, возможно, связанный с ним акт «побратимства»¹⁵. Таким образом, боспорскими греками были созданы характерные для Северного Причерноморья мотивы выражения этого веками державшегося у древних народов мистического акта и нашедшего отражение в рассказах Геродота (IV, 66, 70) о религии и военных обычаях скифских племен. Они даны в сугубо местной, греко-варварской трактовке, указывающей на тот круг потребителей, для которого эти сюжеты были понятны. Выделяется мотив змееной богини (золотой налобник из Цимбаловой могилы¹⁶, бляшки из Куль-Обы¹⁷ и др.), широко почитавшейся в Северном Причерноморье (особенно на Боспоре)¹⁸ и выступавшей здесь в различных аспектах: владычицы зверей и богини плодородия. Меотским вариантом этого мотива в боспорской торевтике более раннего периода является, как нам кажется, изображение на келермесском зеркале¹⁹. С культом змееной богини тесно связаны образы львиноголового и орлиноголового грифов и образ сатира²⁰. Широкому использованию мотива грифа в торевтике Боспора способствовали предания Геродота и большая популярность его в орнаментике варварского звериного стиля²¹. Переданный в боспорских монетах и художественных изделиях из металла образ сатира-божества отличается своеобразной трактовкой, выработанной в условиях Северного Причерноморья. Аналогичный тип сатира встречается и в боспорских керамических клеймах²².

Независимо от различной манеры изображения лиц варваров на изделиях боспорской торевтики (обивка горита и гребень из Солохи, Чертомлыцкая ваза, сосуды из Куль-Обы, Солохи, Частых курганов и др.), идеализированными или приближающимися к реально существовавшим, они так или иначе передают этнографический тип, в общем не имеющий аналогий в изобразительном искусстве других областей эллинистического мира. Изображения скифов в торевтике Боспора были, по-видимому, первой попыткой пластического воспроизведения образа причерноморского варвара, наиболее полно отразившей этнические особенности последнего. Эти воспроизведения явились

¹⁴ Ср. А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА, № 16, табл. LX, 9—10; Д. Б. Шелов, *Монетное дело на Боспоре в VI—II вв. н. э.*, М., 1956, табл. III, 31—32.

¹⁵ М. И. Ростовцев, *Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре*, ИАК, вып. 49, 1913.

¹⁶ И. Толстой, Н. Кондаков, *Русские древности в памятниках искусства*, СПб., 1889, стр. 115, рис. 99.

¹⁷ ДБК, табл. XX, 8.

¹⁸ М. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxf., 1922, стр. 107;

Ростовцев, *Представление о монархической власти...*, стр. 44.

¹⁹ М. И. Максимова, *Серебряное зеркало из Келермеса*, СА, XXI, 1954, стр. 281.

²⁰ Д. Б. Шелов, *К вопросу о взаимодействии местных и греческих культов в Северном Причерноморье*, КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 62.

²¹ Н. Н. Погребова, *Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики*, КСИИМК, вып. 22, 1948, стр. 62.

²² В. Д. Блаватский, *Раскопки некрополя Фанагории в 1938—1940 гг.*, МИА, № 19, 1951, стр. 214, рис. 15, 3.

в известной мере иконографическими прототипами более поздних портретных изображений скифов из Неаполя Скифского, а также переданных на монетах Ольвии и Керкинитиды²³. Одним из распространенных мотивов в фигурных композициях и отдельных бляшках был образ всадника-воина и охотника, нередко символизировавшего, по-видимому, подвиги героев. Манера передачи этого всадника существенно отличается от каноничного образа знаменитого Фракийского Всадника-Героя. Не является ли и он прототипом культа героизированного умершего в образе воина-всадника, получившего большую популярность на Боспоре в римское время²⁴?

Все эти данные, свидетельствующие о выработанных в Северном Причерноморье художественных приемах в украшениях торевтики, подкрепляются наличием на Боспоре в IV в. до н. э. высокоразвитой металлообрабатывающей промышленности²⁵. Обращает на себя внимание единовременное появление там с золотой чеканкой огромного количества художественных металлических изделий²⁶, что в свою очередь согласуется с периодом высокого экономического благосостояния этого государства. Сравнивая торевтику северопонтийских городов VI—V вв. до н. э., в которой основное место занимали бронзовые зеркала, а также золотые обивки ножен мечей²⁷, украшенных в духе господствовавшего в то время в Северном Причерноморье «звериного стиля», нетрудно убедиться в том, что греки существенно изменили характер своих изделий, предназначенных для продажи соседним с ними племенам. Творческая инициатива в этом, вызванная новыми требованиями жизни, теперь принадлежала торевтам Боспора. Появляется большое количество новых типов вещей, отличающихся оригинальным решением художественных композиций. Многочисленные штампованные изделия от мелких бляшек до крупных пластин со сложными орнаментальными композициями указывают на преобладание стандартных форм и массовом их производстве. Основным техническим приемом боспорских торевтов являлось тиснение листового золота, электра и реже серебра с последующей обработкой (чеканка, гравировка, позолота) полученных на них рельефных изображений. Применялись бронзовые, глиняные и деревянные штампы²⁸. Изделия чеканной работы, а также штампованные рельефы типа обивок горитов и ножен отличаются высоким мастерством пластической передачи изображений. Они свидетельствуют о хорошей художественной подготовке их исполнителей и профессиональном чутье к технологическим особенностям используемых ими материалов.

Одним из источников сюжетов, украсивших изделия боспорской торевтики, служили произведения античного искусства периода классики. Иногда они передавались без особых изменений, в чисто греческой трактовке. Но чаще всего в пластические об-

²³ П. Н. Шульц, Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака, стр. 54; он же, Мавзолей Неаполя Скифского, стр. 61.

²⁴ Н. Н. Бритова, Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора, КСИИМК, вып. 22, 1948, стр. 53.

²⁵ Блаватский, Пантикапей, стр. 67.

²⁶ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 443.

²⁷ Онайко, Античный импорт в Приднпровье и Побужье, табл. XIX, XX; он же, О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднпровье, «Культура античного мира», М., 1966, стр. 159.

²⁸ В. Ф. Гайдукевич, Находка античного бронзового штампа в Тиритаке, СА, VI, 1940, стр. 298; он же, Боспорское царство, стр. 119; Т. Н. Кипович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 63; В. Н. Кулин, К вопросу о наличии на Боспоре центра по штамповке изделий из золота и серебра, «Материалы по археологии Северного Причерноморья», вып. 1, Одесса, 1957, стр. 85; Л. П. Харко, К вопросу о производстве золотых бляшек в Черноморье, МИА, № 96, 1961, стр. 214; В. И. Кузьменко, Античные глиняные штампы из коллекции Одесского Государственного археологического музея, «Материалы по археологии Северного Причерноморья», вып. 4, Одесса, 1962, стр. 240. Известны также и другие орудия боспорских торевтов: каменные и глиняные формы, тигли и чашечки для отливки ювелирных изделий, см. И. Д. Марченко, Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея, МИА, № 56, 1957, стр. 160; В. Д. Блаватский, О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э., СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 51.

разы того или иного эллинского произведения вкладывалось новое содержание согласно северочерноморской исторической традиции и религиозным представлениям. Таким образом, в тематике украшений торевтики Боспора наблюдается развитие традиций греческого искусства и создание на его основе новых художественных форм, отвечающих вкусам окружавшего его племенного мира, а также вкусам самих боспорцев. Большому влиянию эллинских произведений на формирование художественного стиля боспорских торевтов способствовали тесные культурно-экономические связи с Малой Азией и Атикой, которые выражались, надо думать, не только в постоянном притоке в город Северного Причерноморья изделий греческого художественного ремесла, но и в переселении туда мастеров по художественной обработке металла, воспитанных в лучших традициях античного искусства. Высокое мастерство, проявленное ими в этой отрасли художественного ремесла Боспора, можно сравнить лишь с произведениями боспорской монументальной живописи.

При рассмотрении данных о боспорском производстве торевтики неизбежно встает вопрос об источниках сырья, которые могли иметь, на наш взгляд, различное происхождение; это подтверждается и разнообразием состава золота в вещах. История открытия месторождений полезных ископаемых на территории СССР показывает, что только в Казахстане обнаружено 80 древних рудников по разработке золотых, медных и оловянных месторождений²⁹. Обилие золота у скифов и особенно в недрах соседних с ними племен достаточно ярко отражено в легендах Геродота (III, 116; IV, 5—7, 27). Одним из источников драгоценных металлов могло быть Закавказье, о чем свидетельствует широко известный миф о походе Аргонавтов в Колхиду за золотым руном (Strabo, XI, 2, 19), а также обнаруженные там (район оз. Севан и др.) древние карьеры по добыче золота. У скифов еще в VII—VI вв. до н. э. была налажена связь с урартскими центрами, основанная на обмене металла³⁰. В эпоху Спартокидов Боспор поддерживал экономические связи с греческими городами Кавказского побережья — Диоскуриадой и Фасисом³¹. Через Грецию на Боспор могла попадать какая-то часть фракийского золота и серебра. Весьма вероятно, что афиняне расплачивались за боспорский хлеб драгоценным металлом, так как художественная аттическая керамика не играла существенной роли в торговом балансе Боспора³². Немалую роль в добыче сырья для изготовления предметов роскоши играло, по-видимому, и международное меняльное дело, которое предусматривало не только торговлю деньгами, но и обмен слитков благородных металлов на местные деньги.

Основные направления в торговле со скифами в рассматриваемый период — ольвийское и боспорское. Продукты в амфорах и глиняная посуда, трудно доставляемые по сухопутным дорогам, были, по-видимому, главными статьями ольвийского экспорта. Через Ольвию — «торжище борисфенитов», — издавна державшую в своих руках торговые пути по Южному Бугу, Ингульцу, а также освоившую путь по Днепру, шло, по-видимому, боспорское и херсонесское вино. Использование Ольвии Боспором как транзитного центра, возможно, находит отражение в большом количестве находок пантикапейских монет в этом городе³³. Главное место в ольвийском экспорте занимают привозные товары, ольвийскими же были только простая посуда и мелкие металлические изделия. Заметим, что резкое сокращение экспорта из Ольвии металлических изделий

²⁹ Л. П. Левитский, О древних рудниках, М.—Л., 1941.

³⁰ Б. Б. Piotrovskiy, Скифы и древний Восток, СА, XIX, 1954, стр. 144.

³¹ Гайдукевич, Боспорское царство, стр. 92; Д. Г. Капанадзе, К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху по нумизматическим данным, «Проблемы истории Северного Причерноморья», М., 1959, стр. 140.

³² А. Л. Бертъе-Делагард, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э., «Нумизматический сборник», т. I, 1911, стр. 7; С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства. Северное Причерноморье, М.—Л., 1953, стр. 143; Блаватский, О боспорском ремесле..., стр. 43.

³³ Зограф, Античные монеты, стр. 216; Б. Н. Граков, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, 1954, стр. 148, 171.

в IV—II вв. до н. э. и появление в это время в большом количестве других ее товаров — вина и глиняной посуды в Нижнем Приднепровье (наряду с непрекращавшимся ввозом подобных товаров в Среднее Приднепровье) — свидетельствуют об изменении характера торговли и расширении рынков сбыта этого центра. Поэтому нельзя согласиться с распространенной в литературе концепцией М. И. Ростовцева о полном вытеснении Боспором в это время ольвийских товаров³⁴. Ошибочность этой концепции объясняется тем, что она построена исключительно на анализе боспорского золота, а археологические данные в то время не так полно отражали состояние вопроса. Торговый путь от Боспора, установленный еще в VI—V вв. до н. э., проходил через азово-черноморские степи. По этому пути к скифам шло как боспорское золото, так и дорогие средиземноморские предметы быта (воинские доспехи, посуда и пр.) из металла. В отличие от предшествующего периода теперь это направление становится особенно оживленным и по своему значению занимает ведущее место. К востоку от него, по-видимому, продолжал функционировать древний путь, соединявший племена Приднепровья с Северным Кавказом и, в частности, с азиатской стороной Боспора.

Статьи экспорта из районов Приднепровья и Побужья определялись особенностями хозяйств скотоводческо-земледельческих племен. Особенно велики были его масштабы в IV в. до н. э. Об увеличении поставки зерна греческим купцам говорят десятки возникших в это время поселений местных земледельческих племен. Большую роль в этом, возможно, продолжали играть потомки сеявших на продажу хлеб скифов-пахарей Геродота. В III—II вв. до н. э. эта роль в известной мере перешла к нижнеднепровским земледельческим поселениям, когда богатые хлебом районы Среднего Приднепровья сильно сокращают торговые связи с Ольвией и Боспором. Отмеченное Полибем (Polyb., IV, 38, 5) состояние экспортных ресурсов причерноморских районов объясняется большими политическими и экономическими изменениями, происшедшими ко II в. до н. э., когда вывоз хлеба уступал вывозу других товаров. Большое место в экспорте занимал, по-видимому, скот, что обуславливалось особенностями социально-экономической структуры скифского общества. Вывоз рабов, по-видимому, и теперь был незначительным, хотя, возможно, и увеличился в связи с участвовавшими столкновениями между скифами и сарматами. По сравнению с VII—V вв. до н. э., когда приоритет в греко-скифской торговле принадлежал лесостепным племенам, в IV—II вв. до н. э. наблюдается перемещение активно действующих жизненных центров из районов Среднего Приднепровья и Побужья в Нижнее Приднепровье с главным торговым центром в степной Скифии — Каменкой. На территории Среднего Приднепровья в это время выделяется несколько больших городищ, племенная знать которых держала в своих руках инициативу в торговле с греческими городами: Пастерское и Большое Каневское городища на Правобережье, Басовское и особенно Бельское на левом берегу Днепра. В организации торговли греческие рабовладельцы опирались на варварскую знать, эксплуатировавшую свое население, что усугублялось сохранившейся с давних времен безденежной формой обмена.

Торговое сотрудничество Ольвии и Боспора со Скифией в изучаемый период сопровождалось более глубоким, чем прежде, но не везде одинаковым взаимовлиянием. Непосредственные контакты племен Днепровско-Бугского лимана — потомки эллино-скифов Геродота — с греками ускорили процесс их эллинизации. Затрагивая экономику скифских племен, торговый обмен оказывал влияние на духовную жизнь и других племен, удаленных от городов. Анализ украшений боспорской гонимости позволяет говорить о наличии некоторых элементов эллинизации в религиозных представлениях племен Нижнего и Среднего Приднепровья и Побужья. Она проявилась в восприятии греческой иконографии скифских божеств, получивших теперь антропоморфный облик, а также в иконографии народных героев, а вместе с тем и в восприятии эллинского мифотворчества. Основным мотивом, отраженным на многих приднепровских изделиях, является прославление культа женского скифского божества, представленного в различных аспектах. Почитание Великой богини плодородия и владычицы зверей, богини

³⁴ Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 457.

ни-родоначальницы характерно для скифских племен с древних времен. В изучаемый период оно получило дальнейшее развитие, чему не в малой мере, по-видимому, способствовало широкое распространение подобных культов на Боспоре³⁵. Афродита (по-скифски Ἀρϋμπασα, Herod., IV, 59) стала синкретическим греко-варварским божеством плодородия и особенно почиталась на Азиатском Боспоре³⁶. Есть основания предполагать, что наряду с различными мотивами Верховной скифской богини греки передавали в некоторых бляшках также образы, напоминающие греческих богинь плодородия сил природы — Деметры и Персефоны (Коры). Это было созвучно представлениям скифов о большом значении земледельческих культов и ежегодно отмечаемом у них весеннем земледельческом празднике³⁷. Из мужских божеств, почитаемых скифами, особенно большое распространение получил образ Геракла — родоначальника скифов, супруга змееногой богини. Как известно, другой родоначальник скифов — Таргитай — отождествлялся греками с Гераклом. Возникновение изображений Геракла-Таргитая в боспорской торевтике связывается с новыми социальными порядками царства Атея, отличавшегося деспотизмом его владык³⁸. Прославляя эти порядки в своих произведениях искусства, боспорские торевты способствовали тем самым их утверждению, что отвечало интересам господствующих слоев скифского общества. В тематику украшений боспорской торевтики включались и другие образы богов эллинского пантеона (Афина, Артемиды), мифические герои (Ахилл), демоны подземного мира, отвратители зла — Медуза, Сфинкс и пр. Распространение боспорской торевтики оказало сильное воздействие на эволюцию орнаментики варварских металлических изделий, хотя и не внесло коренных изменений в самобытную технику их изготовления. Воздействие сказалось в смягчении образов звериного стиля и включении в тематику его сюжетов античных орнаментальных мотивов. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что традиции варварского искусства были еще сильны. Наглядно это иллюстрируется бронзовыми изделиями массового производства и, в частности, украшениями конской сбруи. Самобытной чертой в культуре племен степи и лесостепи, в отличие от обитателей Днепровско-Бугского лимана, является сохранившийся у них вкус к варварской пышности и, в частности, к золоту, которое подчеркивало богатство и власть погребенного.

Большое влияние и варварского мира на греков наблюдается в усилении экономической и политической роли античных государств на международной арене вообще и на нашем юге в частности, а также роли местных элементов, что особенно характерно для Боспора³⁹. Всем ходом исторического развития варварского мира в контакте с греками было подготовлено активное наступление скифов на города. Воспользовавшись экономическим и политическим ослаблением городов Северного Причерноморья, скифы смогли на время подчинить себе Ольвию. Все это дополнялось активным наступлением, а вместе с тем и большим влиянием на жизнь городов, сарматских племен. Эта сложная историческая обстановка, вызвавшая перегруппировку сил в самом племенном мире, была главной причиной сильного сокращения торгового обмена между приднепровско-побужскими племенами и греческими городами в III—II вв. до н. э. Влияние скифов на духовную культуру греков проявилось особенно наглядно в боспорском искусстве — произведениях торевтики. Наряду с подражанием формам вещей, бытовавших в варварской среде, здесь большой популярностью пользовались сюжеты, связанные с религиозными представлениями северопапонтийских племен, а также их бытом и героическим прошлым. Одной из важных страниц в истории взаимодействия греческой и варварской культур является переработка меото-скифского звериного стиля в тематике и художественном оформлении произведений боспорской торевтики.

³⁵ В. Д. Блаватский, *Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья*, М., 1953, стр. 14; он же, *Воздействие античной культуры...*, стр. 20.

³⁶ Гайдукевич, *Боспорское царство*, стр. 201.

³⁷ М. И. Артамонов, *О земледелии и земледельческом празднике у скифов*, «Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, серия ист. наук», вып. 15, 1945, стр. 73.

³⁸ Граков, *Скифский Геракл*.

³⁹ В. Д. Блаватский, *Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье*, «Проблемы истории Северного Причерноморья», М., 1959, стр. 13.

Так, в изображении зверей нередко чувствуется стремление передать силу внутренней экспрессии, свойственную искусству варваров. Однако в отличие от других сюжетов, выработанных под варварским влиянием, «звериный стиль» в исполнении греческих мастеров потерял характерное для него высокое самобытное и художественное достоинство и поэтому не внес существенного вклада в развитие искусства Северного Причерноморья (куль-обский олень)⁴⁰.

Итак, в IV—II вв. приднепровско-побужские племена, как и в предшествующий период, более активно, чем их западные и восточные соседи, поддерживали тесные экономические связи с греческими городами. В этом одна из главных особенностей экономического развития племен изучаемой территории, где сильным контрагентом в торговле с греками становятся степные племена во главе с царскими скифами, высокое благосостояние которых обеспечивалось скотоводческо-земледельческими хозяйствами подвластных им племен. Особенно большой размах торговля получила в IV в., в период наиболее благоприятных условий для расцвета экономики и культуры окраинных античных государств — Сицилии, Карики, Македонии, а также Боспора, города которых поддерживали тесные экономические связи с негреческими сельскохозяйственными территориями. Оставаясь во многом самобытными, приднепровско-побужские племена не избегали сильного эллинского влияния, что сближает их с некоторыми меотскими племенами Прикубанья. Эти черты свойственны главным образом знати степного Приднепровья, что свидетельствует о более высоком уровне ее развития по сравнению с племенами Среднего Приднепровья. Последние слабее реагировали на греческое влияние, хотя именно им принадлежит заслуга в установлении и развитии торгового обмена в период возникновения на северном побережье Черного моря эмпориев и городов ⁴¹.

В III—II вв. до н. э. прослеживаются тесные экономические связи Ольвии с населением Днепровско-Бугского лимана и Нижнего Приднепровья. Внимание же Боспора к обитателям Приднепровья и Побужья в это время, по-видимому, сильно ослабевает за счет более тесного экономического сотрудничества с подвластными ему территориями, особенно с азиатской стороной, на границе которой, кроме ранее существовавших центров, живет полнокровной жизнью Танаис ⁴². Кроме этого, Боспор налаживает интенсивную торговлю со скифским государством в Крыму. В последующий период, после гибели поселений ольвийской хоры, связанной с наступлением сармат, Ольвия, стремясь поправить свои торговые дела, возобновляет контакт с земледельческими поселениями Нижнего Приднепровья. В первой половине I в. до н. э. ее разрушают геты, затем по желанию скифов она вновь была восстановлена, хотя и в более скромных размерах. Как видим, Ольвия всегда, начиная с первых контактов греков с северочерноморскими варварами, неизменно обращалась к различным племенам Приднепровья и Побужья, проявляя при этом гибкость как в выборе сфер своего влияния, так и в выборе ассортимента импортируемых ею товаров. Торговая же деятельность Боспора с Приднепровьем и Побужьем в изучаемый период распространялась только на территорию среднего и особенно нижнего течения Днепра. Она была также более кратковременной, чем торговля Ольвии, но в то же время и более активной в отдельные периоды. Создание уникальных произведений торевтики при этом внесло огромный вклад в историю развития античного искусства. Возможно, это была первая попытка боспорской монополии на торевтику в протоэллинистических государствах ⁴³, подобно тому как позднее имела место монополия царских эргастериев пергамских царей, изготовлявших роскошную «парчу Атталидов» ⁴⁴.

Н. А. Онайко

⁴⁰ Блаватский, Воздействие античной культуры..., стр. 27; М. И. Артамонов, Куль-Обский олень. Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья, Л., 1968, стр. 9.

⁴¹ Онайко, Античный импорт в Приднепровье и Побужье...

⁴² Д. Б. Шелов, О времени основания Танаиса, «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», М., 1968, стр. 300.

⁴³ В. Д. Блаватский, Античный город, М., 1963, стр. 17.

⁴⁴ Блаватский, О боспорском ремесле..., стр. 52; он же, Пантикапей, стр. 69.

ECONOMIC TIES OF THE NORTH BLACK SEA CITIES WITH THE TRIBES OF THE DNIEPER AND BUG REGIONS IN THE FOURTH TO SECOND CENTURIES B. C.

by N. A. Onaiko

Trade relations with the Greek cities of the North Black Sea coast, especially with Bosphorus and Olbia, provided one of the chief stimuli for the remarkable economic development of the Scythian tribes inhabiting the Dnieper and Bug regions in the period when these tribes were evolving state institutions. The Scythians imported at that time a great quantity of Greek commodities: clay pottery, metal utensils, beads and other artifacts. In their turn the Scythians sold to the Greeks slaves, grain, cattle, the products of stock-raising and other characteristic products of cattle-raising and agricultural tribes. The organisation of this trade was largely determined by the fact that it was conducted by Greek slaveowners mainly with the Scythian nobility, who exploited their own population and among whom the ancient tradition of barter exchange still persisted. The trade conducted with the Scythians by Bosphorus and Olbia in the fourth to second centuries was accompanied by a deeper-going reciprocal influence, not everywhere manifested in the same degree. Analysis of the decorative products of Bosporan toreutics suggests the presence of certain Hellenistic elements in the religious ideas of the tribes living along the middle and especially the lower courses of the Dnieper. Commercial exchange was also accompanied by considerable barbarian influence on the Greeks. This influence may be seen in the expansion of the economic and political role of the cities along the North Black Sea coast and in the growing importance of local elements in the populations of these cities, especially of Bosphorus. Scythian cultural influence on the Greeks is particularly clear in Bosporan art, in products of the toreutic art of the fourth century. This was a period when conditions for economic and cultural growth were most favourable in all the peripheral regions of the ancient world — in Sicily, Caria, Macedonia, and also in Bosphorus.

О ФОРМАХ ЗАВИСИМОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РИМСКОЙ ГАЛЛИИ I—III вв.

(По эпиграфическим и археологическим данным)

В условиях рабовладельческого способа производства, как известно, главной отраслью производства было сельское хозяйство. Поэтому определение социального состава работников, занятых в сельском хозяйстве, очень важно при изучении особенностей рабовладельческого строя в тот или иной период его развития в отдельных странах древнего мира.

Тема настоящей статьи не была еще предметом специальных исследований, хотя и получила известное отражение в работах зарубежных и советских ученых¹. Противополо-

¹ C. Jullian, *Histoire de la Gaule*, IV, P., 1914, V, 1920; A. Grenier, *La Gaule romaine*, в кн. ESAR, III, Baltimore, 1937; он же, *Le Manuel d'archéologie gallo-romaine*, deuxième partie (вышла как т. IV книги: J. Dechelett, *Manuel d'Archéologie préhistorique celtique et gallo-romaine*), P., 1934 (далее — Grenier, *Manuel*, II); он же, *Habitations gauloises et villas latines dans la cité des mediomatrices*, P., 1906; Е. М. Штаерман, *О крестьянстве в западных провинциях Римской империи*, ВДИ, 1952, № 2, стр. 100—121; она же, *Кризис в западных провинциях Римской империи*, М., 1957; она же, *Мораль и религия угнетенных классов Римской империи*, М., 1961; она же, *Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике*, М., 1964; А. Р. Корсунский, *О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV — V вв.*, ВДИ, 1954,